

Поэзия

✍ Александр Павлов

Все мы разные люди,
каждый – с Млечным Путём.
Непохожими будем,
но похоже уйдём.

Сквозь преграды наречий
безнадёжен поход,
есть предел человеческий,
хоть каков полиглот.

Но беда и удача –
во Всевышней руке...
Мир смеётся и плачет
на одном языке.

Пологий свет

Пологий свет перекрывал пролёты,
забравшись в цеховые фонари,
струился с появлением зари,
точнее – с окончанием работы.
Пологий свет... Прошло немало дней –
я усмотрел обычное начало
под красными, пологими лучами –
начало жизни крохотной моей.
Я понял вкус томительной воды,
воды, как хлеба, сытной и солёной,
её прохладу в теле воспалённом,
её на робе светлые следы.
Пологий свет... Когда твои лучи
меня среди металла оставляли –
я рисовал их мелом на металле,
чтобы они светили мне в ночи.
Где лишь огонь, высокий и прямой,
где только сталь лучится до рассвета,
где ляжешь ты над мутной быстринной
пологим светом, благодарным светом.
И только днём, за цеховой стеной,
ты грядешь вниз широко и отвесно,
откованный не солнечною бездной,
а на Земле, в глухую полночь, мной.

Свет луны колдует по стене...
Отчего не спишь, скажи на милость?
Резко дочка вскрикнула во сне –
видно, что-то страшное приснилось.
Так уж, брат, устроен человек:
память с кулачок ещё, наверно,
и едва-едва раскручен век,
а его уже тревожат гены.
Память прорастает сквозь века,
слышатся отчётливо молитвы –
будет сеча зла и велика...
И туман клубит над полем битвы.
Память твёрдо подвела коня,
шлем надела, обняла кольчугой,
током кровь ударила в меня,
криком в горле изошла, и чудо –
вон мечи!
Судьба, благослови!
День высок, убийственна работа.
И успех замешан на крови,
словно хлеб на просолони пота.
Взмах руки – и снова боль во мне,
острие в живое погрузилось...
Резко дочка вскрикнула во сне –
видно, что-то страшное приснилось.

Бессмертие

Они сейчас ещё в боях
и всё ещё дерутся насмерть,
с победным зовом на губах
и забинтованные наспех.

Они не слышат тишины,
они опять идут в атаку,
чернорабочие войны,
не отступившие ни шагу.

Они ведут бессрочный бой,
незаменимы и бессмертны,
все с одинаковой судьбой,
все до единого бессмертны.

Память

Я – Память.
Мне время подвластно.
От самого светлого дня
до самого тёмного часа
я – Память.
Вглядитесь в меня.

Я в каждом ростками проклюнусь
и выйду на край тишины.
Морщины – как выстрелы в юность,
седина – как залпы войны.

«Нас воспитали время да железо...»

Магнитка – военные тропы,
и тыл, и такие бои,
что встали над всею Европой
бессмертные танки твои.

Магнитка – святая былина,
твой сын превращался в металл,
во Львове и в центре Берлина
взойдя на живой пьедестал.

Я – Память.
Мне время подвластно.
От самого светлого дня
до самого горького часа
я – Память.
Вглядитесь в меня.

Когда бы не огонь да не железо,
не этот город с ветром озорным,
то я бы стал тобольским косторезом,
а может быть, заслуженным портным.

В карагачах и домиках каркасных,
на засыпных и тощих погребках
нас улица растила ежечасно,
да так, что швы трещали у рубках.

Мы белым солнцем обжигали плечи
и пили воду горных студенцов,
а в тесном клубе слушали под вечер
заезжих торопливых мудрецов.

Нас воспитали время да железо.
И если бы не пламень голубой,
куда уж мне тобольским косторезом –
я даже бы не стал самим собой!

Поклон

Огневая полова
под рукой ковача...
Я дарю тебе слово,
будто шубу с плеча.

Всё, чем в песне прекрасной
я сподобиться мог...
Не гнушайся и властью,
ты – хозяин и Бог.

Это слово и гнули,
и буравили в печь,
было отлито в пули
и отковано в меч.

Напоили росую,
напитали добром,
не скосили косую,
не смогли топором.

Нет чего-то такого –
всё, что выстрадать смог...
Я дарю тебе слово,
ты – хозяин и Бог.

Имя в литературе

Певец трудовой Магнитки

Сегодня – день памяти
поэта Александра Павлова
(11.01.1950–22.10.2011)

Стихи о людях труда, об отечественной истории, о духовных ценностях – вне времени, они интересны читателю в любую эпоху. Поэт, переводчик, журналист, публицист, видный культурный деятель, член Союза писателей России Александр Павлов – признанный классик магнитогорской литературы, чьи стихи вошли в золотой фонд мировой русскоязычной поэзии. Ему был отмерен 61 год. Он ушёл из жизни на взлёте таланта, когда его перо обрело подлинную мощь, – и до сих пор больно осознавать, как много он мог ещё успеть.

Коллективу редакции «Магнитогорского металла» память об Александре Борисовиче особенно дорога – его журналистская судьба неразрывно связана с нашей газетой, материалы для которой он писал как под собственным именем, так и под псевдонимом А. Борисов. Те, кому посчастливилось работать вместе с Павловым, вспоминают его доброту, интеллигентность, отзывчивость, широкий кругозор и замечательное чувство юмора. Стихи он читал эмоционально – а в общении оставался скромным и деликатным. Александр Борисович был блестящим журналистом. Он с интересом брался за разные темы – бывал в концертных залах, на строительных площадках, в цехах ММК, писал прекрасные очерки о земляках... И в любом событии мог увидеть живые детали, – вероятно, сказывался поэтический взгляд на мир. Его очерки о Венгрии были настолько яркими, что в 1976 году принесли ему почётный диплом журнала «Журналист» (16+).

В середине нулевых Павлов входил в редколлегию книжных серий «Литература Магнитки. Избранное» и «Литература Магнитки. Контекст», издававшихся под патронажем «Магнитогорского металла». В конце 2011-го Александру Павлову посмертно присудили победу в номинации «Персона в журналистике» VI городского конкурса СМИ под эгидой МГСД «Город и мы».

В нашем городе чтут память Александра Павлова. На доме № 31 по улице Труда, где он жил с 1987 по 2001 год, установлена мемориальная доска. Имя Павлова присвоено одной из магнитогорских улиц и филиалу № 10 Объединения городских библиотек, расположенному на Тевосяна, 17/1. И, конечно, поэт Павлов остался в сердцах читателей и литераторов, для которых был наставником. Участники литературного объединения «Магнит» (ныне им руководит член Союза писателей России Виктор Калугин) вспоминают мудрые советы Александра Борисовича и атмосферу творческого общения на встречах лито.

Александр Павлов многое сделал для возрождения оренбургского казачества, его вклад отмечен медалью «Серебряный крест». Кроме того, среди наиболее весомых его наград – медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», медаль имени Антона Чехова, учреждённая Союзом писателей Москвы, и премия имени Д. Н. Мамина-Сибиряка – «за стихи, воспевающие легендарную Магнитку, внёсшие значительный вклад в развитие уральской поэтической школы».

Александр Павлов – автор пяти поэтических книг. Дебютный сборник, «Предгорья» (1976, 12+), был отмечен областной комсомольской премией «Орлёнок». После вышли «Пологий свет (стихи и переводы)» (1982, 12+), «Сверим время» (1983, 12+), «Город и поэт» (1996, 12+), «С ярмарки еду» (2008, 12+). Все они есть в городских библиотеках – и каждый может приобщиться к творчеству поэта, которым гордится Магнитогорск.

✍ Елена Лещинская

Прозрение

Я городской от самого рождения,
не хлебороб рачительный, хотя
в глухую ночь пронзило ощущение
к сухой земле летящего дождя.
Ещё мою потресканную кожу
холодной каплей первой не ожгло –
я вышел в ночь единственным прохожим
назло ненастью и себе назло.
Откуда это чувство приобщения
к земле, привычной глазу – не руке?
Я больше знаю толк в сталеваренье,
устройстве жизни в нашем городке.
Откуда это полновесье капель?
Так жаль, что я у детства не вблизи,
когда по тёплым лужам косолапил,
бездумен, счастлив, по уши в грязи.
Был я к земле особенно приближен
хотя бы тем, что падал и вставал,
хотя бы тем, что ростом был пониже
и дух её сильнее принимал.
Но лишь теперь я понял день вчерашний,
увидел даль за берегом реки,
где небеса вздохом глотает пашня,
в живой груди ворочая ростки.

Солнечная мельница

С утра качали мёд.
Из медогонки
он падал тонким золотым лучом
и тёплым солнцем оседал в бочонке
под проливным пикированием пчёл.
Ну что вы, луговые эскадрильи!
Забывали про нетронутый нектар...
У медогонки сотовые крылья
и молодой цветочный перегар.
А я гляжу на деда – и не верится.
Да вот она, ручная, среди дня
коробчатая солнечная мельница,
стрекошет под рукою у меня.
– Парного мёда выпивай – да в меру.
В нём столько солнца – пропалишь бока...
Куда ты столько?!
Ведь сгоришь, холера!
Небось, воды хватил из родника...
Ах медогонка!
Смехота и мука.
В груди и горле – золотистый ком...
И долго дед отпаивает внука
настоянным на мяте кипятком.

Вечер

Без ветра немые провода,
Сады подрагивают сыто.
На тёмной скатерти пруда
Желтеет плот головкой сыра.

А листья воду пьют из луж,
И месяц выкрасился, будто
Сквозь пену облачных излук
Плывёт оранжевая булка.

Дымится свежий каравай,
в светёлке полнясь духом хлеба,
И запоздалый караван
Устало тянется по небу.

Мне кажется, я взял взаймы
У птиц дыхание второе,
В то время как вокруг немое
Предошущие зимы.

Родина

За синие горы, за дальние дали
зовёт и уводит мечта.
Завеют пески ли, завьюжат снега ли –
повсюду живёт красота.

А Родина – это неброский цветочек,
и тихой осенней порой –
картошка в мундире да соли чуточек
впримочку с водой ключевой.

Окраины детства, желанная проза,
прямой коммунальный уклад
да жёлтые вдрызг заводские берёзы
и дружный барачный парад.

Дороги ложатся и кличут куда-то,
играют шальной душой...
А Родина – это могила солдата
дали от дороги большой.

Несчастен, кто видит одни только розы,
сия показуха – враньё.
А Родина – это и радость, и слёзы,
и счастье, и горе твоё.